

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА

Человек не просто смертен, он — внезапно смертен. — заметил писатель.

Каждый раз это неожиданно и каждый раз страшно. Умер главный режиссер цирка на Цветном бульваре Владимир Ильич Крымко.

Жизнь отмерла ему 48 лет... Благодаря участю цирковых режиссеров. Они не выходят на поклон вместе с артистами как в театре, не участвуют в словесных баталиях на страницах прессы, их имена известны немногим. Однако в замкнутом мире, каким, к сожалению, является цирк, каждый из них — на виду, со своим способом мышления, со своими сомнениями, со своими победами и поражениями.

Много споров вызывали спектакли, номера и клоунады В. И. Крымко при жизни. Никто не упрекнул его в одном — в том, что неинтересен, в том, что неталантлив. Неожиданным ему удавалось быть всегда.

Еще несколько месяцев назад он жил открытием Нового старого цирка, увлеченно работал над будущим спектаклем... Еще несколько месяцев назад он вдохновенно выступал на режиссерских коллегиях, возглавлял избирательную кампанию Ю. В. Никулина, заходил в нашу редакцию...

Старый цирк на Цветном бульваре откроется без него. Без него пройдет первое представление. Однако на афише будет написано: режиссер — заслуженный деятель искусств В. И. Крымко.

НАТАЛЬЯ МАКОВСКАЯ, БАЛЕТМЕЙСТЕР

Волода родился не в свое время, точнее, он всегда чуть-чуть опережал время. Каждый раз его спектакли принимались в штыки, а спустя годы люди вспоминали о них и отдавали им должное. Так чувствоваться органику и гармонию в искусстве дано не каждому. Для этого нужен талант. Он постоянно уходил от штампов — за это порой и получал. Стремился к простоте, не любил жаргонное словечко «навороты». На риск шел не сознательно, а подчиняясь своему таланту. Во всяком искусстве свои законы. Жесткие. Здесь же это усугубляется еще и тем, что в системе Союзосцирка много дилетантов. Волода это всегда жутко раздражало. Также он не любил бездельников — они буквально выводили его из себя. Многие его недолюбливали за острый язык, за оригинальный ум. Естественно, это не высказывалось в лицо: вообще все было беззвучно и тихо. Его ждали, ждали его выступления. Однако воспринимались они как спектакли. Все, все понимали, но никто ничего не хотел менять. Я постоянно говорила: «Зачем ты борешься с ветряными мельницами!». К Володе надо было привыкать, многие не понимали его поначалу. Сам же он, несмотря на дружелюбие, очень осторожно шел на контакт. Ему надо было время, чтобы разглядеть человека. Он был всегда очень требовательным и к себе, и к тем, с кем работал.

ЮРИЙ НИКУЛИН, НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР

На манеже московского цирка мне пришлось прощаться со многими. Первый раз это произошло, когда я был еще студентом. Умер клоун Альперов. И мне было так странно: он лежит в манеже, а через три часа здесь будет весело, будут смеяться, будут другие клоуны... Проходили М. Местечкина, А. Арнольда, М. Шуйдина, Б. Шахта и еще многих артистов и режиссеров, на которых держался цирк... Теперь мы проводили Володю Крымко. На панихиде я произнес фразу, которая очень точно выражает мое отношение к нему, и те последствия, которые обрушились на нас после его смерти: «Мне будет очень не хватать, мне будет очень трудно без него...» Я знал Володю очень давно. С тех самых пор, когда он был еще совсем молодым человеком, только закончил театральный институт и работал рядом с М. Местечкиным. Постепенно он становился все более интересным режиссером. Наступил момент, когда ему необходима была самостоятельность. Он уже не принимал того, что делал Местечкин, несмотря на то, что Марк Соломонович, безусловно, был опытным и авторитетным режиссером. Но это был старый стиль. Володя же, как режиссера, всегда отличал то, что он чувствовал время, чувствовал по-своему, необычно, ему было очень трудно. Когда я пришел сюда, в старый цирк, я сразу же сказал, и нас программы будут делать Крымко. Волода работал в то время в студии клоунады (возглавлял ее Местечкин, но фактически с артистами занимался Крымко). И я абсолютно не ошибся в нем. Он выпускал очень интересные программы, вспоминаю хотя бы его спектакль «Лю-

бовь, комсомол и весна», замечательные детские сказки — «Голубый щенок», «Новые приключения Бременских музыкантов». Совсем недавно он получил звание заслуженного деятеля искусств, стал главным режиссером... Ведь, что такое 48 лет? Это самый расцвет. Свои лучшие репризы я сделал в 50—53 года...

Он был не только моим помощником по работе, он был моим другом. Я ценю его за ум, за юмор, за острый язык, за что многие недолюбливали. Мне же это всегда импонировало в нем. Что-то я не мог сказать, не решаюсь, он же всегда говорил, причем очень жестко, очень точно. Плохой номер он мог уничтожить одной фразой. Мы делили пополам и горести, и радости. Звонили друг другу по ночам, советовались. Как он ждал открытия нового цирка! Работая в другом месте, он присутствовал на

ПОСЛЕДНИЙ СПЕКТАКЛЬ В ЦИРКЕ НА ЦВЕТНОМ БУЛЬВАРЕ

ИЛЬИЧА КРЫМКО

ВЛАДИМИР СЕРГУНИН, ИСКУССТВОВЕД

Вспоминаю, как больше двадцати лет назад в холодный и заснеженный Иркутск к нам, молодым выпускникам циркового училища, приезжает режиссер из Москвы. Тогда это было событием чрезвычайным. Драгоценный подарок судьбы — режиссер из Москвы. Его засыпают вопросами: Владимир Ильич, это правда, что... Владимир Ильич, действительно ли... Владимир Ильич... Знаете что, друзья, — говорит он, — вы ко мне как-то уж очень официально. Называйте меня просто: Ильич. Все смеются. Уходит натушесть, исчезает напряженность, мы делаемся восприимчивыми к любым поворотам разговора. Он владеет секретом «высвобождения» артиста от зажимов. Это располагает. Кого угодно располагает. Неожиданный московский гость оказывается на редкость обязательным. Гость рисует нам небылочки про то, как через полгода мы окажемся на самом престижном манеже страны и самая искусная в стране публика будет любоваться от одного нашего появления потому, что... Далее следуют изложения режиссерского замысла нового спектакля. Он не скитается на краски, он щедр на преувеличения, для него нет границ возможного, его несет на волнах фантазии. Он прекрасен и мы уже — его труппа, его коллектив, его новая режиссерская забота — юбилейная программа в столичном цирке на Цветном бульваре «Беспокойные сердца».

Самое поразительное, что все им задуманное сбывается. Спектакль получается. Главный режиссер программы — М. С. Местечкин, режиссер постановщик — Владимир Ильич Крымко. Я вспоминаю... и мне трудно говорить об этом в прошедшем времени. Отныне я вынужден так говорить. Несмотря на свой острый язык, он предельно тактичен и уважителен ко всем. Даже со своими критиками и противниками — их у него было в избытке. Он вежливо зашился, интеллигентно парировал, и все чаще прибегал к иронии. Он вынужден был носить маску ироничного пародоксалиста, чтобы оставаться собой. И остался. Не предал в себе себя.

У него был изысканный способ мышления и выражения своих мыслей. Многие окружавшие его режиссеры присягали на верность К. С. Станиславскому в том, что режиссер умирает в актере и... умирал в спектаклях, «елках», помпезных постановках. Принуждаемый жизнью и он создавал подобные (как он их называл) «нетленные произведения», хотя и это умел делать мастерски. Но совершенства он достигал все-таки в создаваемых номерах, репризах и клоунадах. Он не устал повторять: «Режиссером в цирке может считаться только тот, кто делал номера». Именно это качество, как режиссера, он уважал в себе. Б ы л о ч т о у в а ж а т ь! Он обладал особой, только ему одному присущей интонацией, благодаря которой речь становилась объемной, вкусной, афористичной. За ним можно было записывать: блестящие каламбуры, словесные репризы, свободное львосье экспромты, остроты. В последние годы я угорничал его писать, но он не придавал этому значения. У него не хватало времени вытиснуть из себя писателя, а помочь ему в этом оказалось некому. Нелепо. Обидно. Я попробую это случайно сохранившейся у меня стенограммы привести несколько его высказываний на последней конференции по проблемам цирка. Хотя, конечно, понимаю, что органично звучать это может только в его исполнении. Но другого выхода, к сожалению, нет. Уже нет.

«...Наверное, у 50 процентов номеров мы так и не узнали режиссеров. (Речь шла о последнем конкурсе, где он был членом жюри — В. С.) Ну, не удалось это выяснить. Может, недостаточное настойчиво спрашивали, выясняли? Может быть, артисты такие партизаны попали, но не хотят говорить? А может быть, их и не было? Режиссеров? Но на самом деле они ведь были! Вы себе можете представить, чтобы сегодня существовал спектакль, ну, скажем, в очень симпатичном театре, который неизвестно кто поставил? Но кто-то же этот спектакль все-таки поставил! Даже если постановочные расходы этого театра составляли 45 рублей на два сезона... Картина достаточно печальная».

«Пока шли первый и второй туры конкурса, многие члены жюри говорили: «Боже, до чего мы докатились, это ужасно, что за конкурс, какой позор, нам нечего показывать...» Постепенно мы дошли до того, что нам уже и парижский конкурс — не конкурс, а в конце уже решили, что и в Монте-Карло собирается художественная самодеятельность по сравнению с нашим конкурсом».

«Сейчас у нас есть прекрасная штука, она называется перестройка. В свое, значит, время, все мы, те же самые люди, тут же водием, выступали, спорили, куда-то так покризали, что-то, хорошо, плохо ли, делали... но поскольку выяснилось, что тогда-то был застойный период, а сейчас-то у нас совсем уже начинается другой, то мы — все те же люди, — теперь очень даже хороши. Мы теперь за «то» не отвечаем. Период был такой плохой, но мы, а период. А с этого дня у нас все в порядке. И тем самым мы себе, стало быть, устроили праздник безответственности еще на пару-тройку лет, а то и больше. Но ведь мы-то те же самые, и работали раньше и теперь, а значит, наверное, все то, что мы тогда недоделали, мы же должны доделывать сегодня».

Последние слова он обращал, прежде всего, к себе. Себя испевлял иронией, себя изводил вопросами и сомнениями, всю жизнь мучился, потому, что болел очень. За цирк болел. Смертельно.

ПЕТР ДУБИНСКИЙ, РЕЖИССЕР

Пять лет я был его студентом, два года я был его стажером, и всю жизнь буду его учеником. На мой взгляд, Владимир Ильич Крымко был если не лучшим, то одним из лучших наших режиссеров. Он был профессионалом в цирке, что так редко. Он был удивительной личностью. Мне повезло, потому что во всех работах Крымко я был рядом, начиная с 1978 года: ассистентом, помощником режиссера, режиссером-стажером. Как режиссер он был универсал. Каждый из нас имел свои сильные и слабые стороны. Некоторые специализировались в каких-то областях. Крымко выпускал спектакли, выпускал номера, выпускал коверных. Он постоянно рисковал. В отличие от других, и от меня в том числе. Со многими я обсуждал одну проблему: режиссер в Москве. Ведь это очень непросто. Ты идешь словно по острию ножа. Когда я делал свою первую елку в цирке на Цветном бульваре, то поклялся: если она мне не утаится, я уйду из цирка. Это Москва. Тебя видят все. Вот и получается, что 99 процентов наших постановок в Москве — игра вничью. Как в футболе, когда нельзя проиграть в матче, и специально играют вничью.

Т о е с т ь мы делаем хорошие постановки, но они не открывают принципиально нового. Это может быть какой-то подвиг таланта, но не абсолютно новое. Не риск Крымко в этом смысле был уникален — каждая его постановка была взрывом. Вспомним его спектакли «На крыльях времени», за который его бешено разнесли. Крымко объяснял: «Как же это так? У вас начала аттракцион, а потом — номера, а ведь надо наоборот». Но он на это специально шел, он взрывал эту вечную нашу заторможенность. Иметь смелость в Москве делать эксперименты, а не идти проверенным путем — это мог делать только Крымко.

Или последний его спектакль «Салют, фестивалю!» В нем было странное первое отделение: шесть номеров без единой клоунады, на одном дыхании. Что за тупость такая! Это же непонятно. Крымко же таким образом выразил свое ощущение праздника — энергии, молодости, задора. Как мне кажется, лучше постановки, чем «Любовь, комсомол и весна» не было. Там был предложен совершенно иной стиль циркового спектакля, иной стиль работы и подбора номеров. Я и многие режиссеры моего поколения вышли из этого спектакля. Удивительным было начало, задавалось невероятное смещение жанров: спускались вниз роликобежцы, взлетала гимнастка, танцевал балет, появлялся конник. Неожиданно возникли кинозрания... Во всем этом был какой-то безумный нерв. Крымко нам показывал тогда, как можно быть комсомолом — выражая это понятнейшим цирковым языком. Со мной могут спорить: кто-то эти спектакли принимал, кто-то нет. Но никогда они не были спокойными. Крымко всегда

рисковал и не боялся идти на рискованные ситуации. Не случайно у него был инфаркт, так просто не умирают в 48 лет. Чему еще надо было учиться у Крымко? Непоколебимости. Он делал только так, как хотел делать. Его пригласили главным режиссером на «елку» во Дворец съездов. Это был конец 82-го года. Большая постановка — любой бы на его месте уцепился за эту работу и провел ее очень спокойно. Я хорошо помню, как на прогонах сидели люди из ВЦСПС и ИГК КПСС и объясняли ему, как надо ставить. Он молчал. Потом вдруг встал, развернулся и сказал: «Так, либо здесь ставлю я, либо — вы!». И ушел из зала. Была паника — оставалось несколько дней до премьеры. Его вернули. Перед ним извинялись. Он выпустил работу. Больше, конечно, его не приглашали... Ведь надо иметь мужество подняться и при всех так сказать... Есть еще одна вещь, которой надо учиться у Крымко. Он говорил нам: «Пока ты не сделал работу, ты не должен никого слушать, не вносить никаких поправок. Не обязательно самому доходить до конца. То, что ты делаешь, может нравиться или не нравиться. Но это твоё собственное решение». Ведь

режиссура — это вообще умение принимать решения и их осущестлять. Я считаю, что его судьба в Союзосцирке несправедлива. За свою жизнь он съездил только в Болгарию, в Югославию, в Чехословакию и совершенно случайно, за полгода до смерти, побывал в Америке. Я помню один разговор с Владимиром Ильичом перед поездкой в Америку: «Я Вас поздравляю. Когда вы вернетесь? — Через месяц или полтора? — Почему так рано? — Если бы это была Италия, о которой я мечтал всю жизнь... А Америку, мне кажется, я смогу увидеть за неделю». Он мечтал об Италии, о Франции... Их он так и не увидел. Хотя был достоин этого больше, чем многие. Он был человеком с удивительным чувством юмора. На панихиде все вставали и чуть не плакали; он был таким, таким... Но поднимаясь, Никулин и произнес: «Если бы Крымко все это слышал, он бы сказал: «Вот глупость какая — как на похоронах». Более остроумного человека я не встречал. Когда Крымко готовил спектакль «Любовь, комсомол и весна» за день до премьеры он сорвал голос — на прогоне. Это было в

ВИКТОР ФРАНКЕ, РЕЖИССЕР

Все, что сегодня я умею, — умею благодаря удивительному человеку, редкому педагогу, талантливому режиссеру, ставшему для меня настоящим учителем. Владимир Ильич Крымко научил режиссуру: не теоретическим выкладкам, а настоящему профессиональному ремеслу. Он не рассуждал о режиссуре — о том, как надо ставить, — он неистово работал, отчаянно ошибался и непостижимо находил каждый раз единственно верное решение. Он увлек своей неуверенностью. Не одно поколение молодых режиссеров ставило спектакли по его сценариям и режиссерским планам. Как начинающие художники копируют полотна классиков, постигая гармонию, так и мы учились на работах Крымко. Сегодня через 12 лет спектакль старого цирка «Новые приключения Бременских музыкантов» я могу поставить без сценария на память. Для меня работы Крымко — это своеобразная мера весов, режиссерский эталон, по которому я сверяюсь до сих пор.

Всегда поражало и завораживало в Крымко умение работать с клоунами. Умение сразу определять конструкцию репризы. Отсекать все лишнее, выстраивать логику, безошибочно находить финалы. 25 апреля я был дома у одного из учеников — клоуна Олега Савицкого. Рассматривали фотографии — как ни странно, их осталось катастрофически мало. Где-то лицо закрыто букетом цветов, где-то Крымко перекрыл другой фигурой. Но перед глазами отчетливо возникает настоящий портрет Крымко. Это ступок энергии, огненные нервы, фантастическая работоспособность, пронзительная любовь к профессии, предельная точность в работе, убойная точность в оценках. Как мы ждали режиссерских коллегий. Не самих коллегий, а комментариев Крымко, который излагал содержание трехчасовых дебатов за 5 минут. Сколько фраз, брошенных им всколых, стали крылатыми.

Он топтался жить и всегда сел за свое лезье. Стремительно работал и относился ко всему с иронией. Ироничность служила ему защитой от окружающей среды. Странно, что он не вел свой собственный панихиде и не сказал: «Я так и знал, что это мероприятие будет обречено на успех». Он щедро делился своим талантом. Говорят, что каждый человек за свою жизнь должен посадить хотя бы одно дерево. В. И. Крымко оставил после себя своих учеников.

